

В. А. Дмитриев

**ПОЛИТИЧЕСКИ АКТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ
В ИСТОРИИ ШАПСУГОВ XIX–XX вв.**

В статье рассматриваются особенности политического поведения в шапсугском (черноморские адыги) обществе в хронологических пределах, заданных прямым взаимодействием России и народов Северного Кавказа. Внимание к личностным характеристикам политической деятельности обусловлено неразвитостью политических институтов у шапсугов, первоначально связанной с уровнем социальной организации традиционного общества, а позднее полной подчиненностью местных институтов органам российской власти. В статье рассмотрены характеристики политической личности периодов активизации национального сознания (1-я половина – середина XIX вв., 1920-е и 1990-е гг.) и снижения его активности (конец XIX – начало XX в., середина XX в.).

Политическая жизнь в России во все времена отличалась тем, что она была гораздо более сложным явлением, чем о ней удавалось судить по внешним проявлениям и принятым концептуальным схемам. Во многом такое положение объясняется тем, что Россия является настоящим «большим обществом», в котором существует значительное число локальных социально-политических и этнополитических общностей, применительно к которым цивилизационные критерии существуют в широком размахе качественных и количественных параметров. Отметим, разделяя наиболее общее представление о политике как совместном решении общих дел, понимаемых как дела государства (Аристотель), как отношения (в том числе конфликты) между классами, группами и людьми (Ленин), мы полагаем, что, в России, во-первых, любые отношения, при которых соотносятся интересы государства и локальной общности, являются политичес-

кими, а во-вторых, они реализуются в виде политической активности, протекающей в специфических формах. В трактовке политической активности как действия мы выделяем ее значение быть совокупностью проявлений таких форм жизнедеятельности отдельной личности в индивидуальной или коллективной форме, которая выражается в ее стремлениях активно участвовать в политических процессах, отстаивать свои политические права и интересы [1]. Специфичность форм состоит в том, что политическая активность может опираться на такие виды общественной организации, где неразвиты или свернуты собственно политические начала (власть, иерархичность, борьба за групповые интересы и пр.). Степень политической активности может зависеть от значимости локальной группы, ее роли в региональной или общегосударственной или даже глобальной ситуации, а также от унаследованных по традиции установок и норм общественной морали. В поле, сформированном положением группы в геополитической обстановке, ее внутривнутриполитическим состоянием, а также этническими приоритетами и стереотипами происходит формирование активной личности, отмеченной и выделенной как сторонними наблюдателями, так и современниками из собственной среды.

Далее будет предложена типологическая схема, выражающая зависимость поведения политически активной личности от поля существования этноса в российско-кавказской этнополитической общности у одного из народов Северо-Западного Кавказа, черноморских шапсугов. Обращение к данной теме закономерно в ряду кавказоведческих и этнополитологических исследований [2].

Тип политически активной личности эпохи российско-северокавказского противостояния XVIII–XIX вв.

Контакт между русскими и западными адыгами, в состав которых входят шапсуги, впервые обозначился в период борьбы за хазарское наследие в X–XI вв., когда русские (славяно-норманские дружины) достигли восточного берега Черного моря. Один из эпизодов раннего русско-адыгского взаимодействия широко известен по русской летописной и адыгской устно-эпической традиции [3; 4]. Единоборство древнерусского князя Мстислава, сына Владимира Святого и брата Ярослава Мудрого, и адыгского витязя Редеди имело своим результатом образование на короткое время политического объединения левобережной части Руси (Черниговщина) Тамани (Тмутараканское княжество). Существует версия, согласно которой сам поединок относится уже к традиции совместного сосуществования двух этнополитических общностей и может считаться ритуальным, по которому власть в Тмутаракани передавалась от правителя (Редедя) к наследнику (Мстислав) [5]. В современной адыгской литературной интерпретации сказания встречается трактовка личности Редеди как защитника адыгской земли от российской экспансии, остановившего ее своей смертью; трактовка, явно навеянная реминисценциями Кавказской войны в сознании адыгов конца XX в. [6]. Последний факт интересен тем, что обнаруживает схождение современного

поэтизированного взгляда на значение исторической личности с архаическим представлением о вожде, символизирующем и представляющем подвластный социум. Сообразно последнему только вождь является субъектом социального действия и воплощает лучшие качества субъекта. И в летописи, и в адыгской устной традиции Редедя профессиональный воин, обученный поединку и готовый к нему, как и к собственной гибели в бою, а также представитель своего народа. Независимо от того, как трактовать поединок Мстислава и Редеди – как акт войны между двумя княжествами или как ритуальный поединок – в любом случае это было политическим действием. Однако, отметим, что данный поединок может быть отнесен к политическим событиям не столько потому, что боролись два военных вождя, а потому, что был убит адыгский вождь, и благодаря этому «Мстислав переял Редеду», т.е. по смерти противника взял себе его военно-политические качества [7, с. 89].

Этноним «шапсуги» не известен до относительно раннего периода русско-северокавказских связей, если не считать упоминания среди зихских селений на побережье Черного моря X в. общины Сапакси (Шапакси) [7, с. 26; 8, с. 21–22; 9, с. 38]. В русских источниках первые сведения о шапсугах относятся к 1743 [8], а в западноевропейских не ранее, чем к 1787 г. [10; 11]. С конца XVIII–начала XIX в. они становятся одним из часто упоминаемых черкесских этносов, представляемых как одни из наиболее упорных противников российской экспансии на Кавказе. Достаточно вспомнить Казбича, героя повести М. Лермонтова «Бэла», который воевал против русских войск «на правом фланге у шапсугов», бесстрашно разъезжая под пулями.

Этногенез шапсугов независимо от выдвинутых концепций рассматривается с учетом позднего появления этнонима и принадлежности к так называемым «демократическим племенам». Под «демократическими племенами» адыгов в российской историографии Северо-Западного Кавказа понимаются адыгские этносоциальные общности, у которых большую роль играли семейно-родственные объединения свободных крестьян-общинников, отсутствовала княжеская власть, а класс дворян сосуществовал с крестьянами. В конце XVIII–начале XIX в. в обострении отношений между дворянами и кланами общинников произошло усиление последних, а дворяне, сохранив отчасти свой высокий статус, фактически утратили привилегированное положение.

Проблематика этногенеза и политико-экономической истории шапсугов, как и всех адыгских народов, сложна и противоречива. Укажем ее главные компоненты. Первым является, как уже было сказано, рост экономического и политического значения кланов свободных общинников – «тфокотлей». Эта крестьянская революция имела место не только здесь, но и на всей территории горного Северного Кавказа. Интересно, что термин «революция» был признан и дореволюционными авторами и советскими учеными непосредственно после октября 1917 г. [12; 13]. Предполагается, что ее причины у западных адыгов состоят в резком росте зажиточности тфокотлей на основе земледельческого хозяйства и ут-

верждении частно-семейной собственности на землю [14; 15] или на основе максимального развития набеговой системы, также дававшей избыточный продукт [16]. Существует и точка зрения, утверждающая, что победа тфокотлей затормозила развитие феодальных отношений и знаменовала усиление патриархально-родовых принципов организации общества [17].

Вторым компонентом является не менее сложное представление об этногенезе адыгов. В нем особое место занимает гипотеза об абазинском происхождении как шапсугов, так и всех «демократических племен», к которым относились также натухаевцы и абадзехи. Процесс ассимиляции части абазин адыгами зафиксирован в местной традиции [18], в исторических источниках [19], прослежен в научных исследованиях [8; 20; 21]. Отмечено также, что этнонимы всех «демократических племен» фиксируются достаточно поздно (вторая половина XVIII в.), а появление шапсугов и натухайцев есть результат их возвышения; при этом своим именем они перекрыли названия ряда других общностей [22; 23].

Интересным схождением «социального» и «этногенетического» компонентов является точка зрения об иноэтничности дворянского сословия у адыгов «демократических племен», правда, на данный момент она считается антинаучной [24; 25].

Не вдаваясь в полемику по проблемам социо- и этногенеза шапсугов, отметим, что время их выхода на арену истории отличается крайней интенсивностью и переменчивостью процесса группообразования по всем параметрам. При этом несомненно важно, что «возникновение» шапсугов происходит в тот период, когда Российская империя заявляет свои права на кавказское побережье Черного моря и присоединяет его к своим владениям. Историческим фоном становления шапсугов как этносоциальной группы является покорение всего горского населения Кавказа, жесточенность военных действий, и в результате полное изменение среды обитания и насильственный финал процесса сложения шапсугов. Большая часть этноса выселяется в восточное Средиземноморье, затем формирует мировую диаспору, ее представители себя называют черкесами, шапсугами, абазой. Меньшая часть остается на родной земле, существуя двумя этнотерриториальными группами: одна в Прикубанье участвует в сложении адыгейской общности, вторая в Причерноморье сосуществует с разноэтничными переселенцами Нового времени.

Общей составляющей политического поведения адыгских «демократических племен» во время военного противостояния с Россией было открытое вооруженное сопротивление, базировавшееся на двух мотивах. Первым было непризнание прав какой-либо стороны, кроме самих шапсугов (т.е. народонаселения), на владение этнической территорией адыгов, что нашло свое отражение в знаменитом анекдоте о птичке. (Этот кочующий сюжет известен у всех народов Кавказа, участвовавших в антироссийском движении XIX в. «Горец», услышав от «русского генерала» о состоявшейся согласно межгосударственному договору передаче Закубанья и Черноморья России, предлагает собеседнику уста-

новить господство над вольной птичкой, сидящей на ветке удаленного дерева.) За высказанным свободолобием стоит сложный поведенческий комплекс, в состав которого входила в том числе установка на недопустимость появления чужого в общинном пространстве.

Вторым мотивом была традиционная установка на опосредованность внешних контактов применением оружия. Военнизированность общественных отношений у адыгов исследователи рассматривают как часть народной ментальности, формировавшей этническую традицию [26]. В адыгских социумах любой свободный мужчина был вооружен. Шапсугские мужчины носили кинжалы, тип которых в описании оружия народов Кавказа был назван в их честь; кинжалы имели длинный и широкий клинок, что не вызывает сомнения в том, что это оружие не было парадным [27]. При неразвитости экономических отношений, внешнем демонстративном равенстве вооруженных индивидов насилие играло конструктивную роль во внутренних делах и провоцировало внешние конфликты. Исторические источники содержат упоминания о том, что сами носители традиции видели в набегах прямой экономической смысл [28].

В данных обстоятельствах политически активной личностью эпохи военного противостояния являлись организаторы военных отрядов, сражавшихся с русскими войсками и участники процесса формирования политических институтов шапсугов.

Среди тех военных лидеров, имена которых сохранила история и которые сами принимали участие в военных действиях, представлены дворянские (Тугуж Шерехуко Керзек, Кизилбеч Тугужуко Шеретлук, Шамуз Керико Шупако и пр.) и тфокотльские (например, Пшимаф и Алибий Баст или Хаджи Али, Магомед Цациоко и Алибий из рода Схапте) фамилии [11]. Из них наиболее известна фигура Кизилбеча Тугужуко из рода шапсугских уорков (дворян) Шеретлуко, вошедшего в историю с прозвищем «льва черкесов», данным ему англичанином Д. Беллом. Мансуру Хаудуко он присвоил звание «короля натухаевцев». Участие дворян в военных действиях было естественным продолжением их традиционной социальной роли военно-профессионального сословия, специализировавшегося на набегах [29]. При том, что многие из них, особенно, перечисленные фигуры, были хорошими организаторами тактических действий, политическая роль дворянских дружин не выходила за пределы их социальной функции в раннефеодальном обществе применять оружие в мире, где регулятором общественных отношений является физическое насилие. Дворянская война диктовалась нормами феодального этикета-«уорк-хабзе», в котором борьба с врагами была частью «жизни на лошади в воровских набегах, в делах с неприятелем или разъездах по гостям» [30, с. 60] с усилением активности в отведенные для войны три весенних и три осенних месяцев [31]. Данные особенности социальной деятельности, конечно, не исключали и непатриотической мотивации.

Участие в войне с русскими войсками лидеров из числа свободных общинников объясняется как внутренними (стремление в ходе военной деятельности установить паритет с дворянскими фамилиями, получить

свою долю добычи), так и внешними причинами (необходимость защиты пространства фамилии и находившихся в нем хозяйственных и религиозных ценностей). Учитывая, что русские войска сами практиковали набеговую тактику нанесения удара по селениям, выполняя стратегическую задачу разрушения хозяйства горцев, чтобы угрозой голода привести их к повиновению, можно было предполагать усиление военной активности семей тфокотлей.

Особым явлением было то, что именно они проявили себя активными участниками политогенеза у адыгов «демократических племен». Старшины проявили себя в попытках строительства общества, структура которого должна была стать над родовыми различиями и различиями между дворянами и тфокотлями. На первом этапе был проведен ряд народных собраний. Наибольшую известность имел знаменитый съезд Печетнико-зафес, второе по счету народное собрание, установившее разграничение прав тфокотлей и уорков, а также законы для руководства во всех делах [32]. Съезду предшествовал конфликт «шапсутского народа» с дворянами Шеретлуковыми, закончившийся не в пользу последних. (Их разорение и изгнание позволяет считать упомянутого «льва Черкессии» только военным, но никак не политическим деятелем.) Последующие три съезда, по мнению русского историографа, «узаконили права духовные, гражданские и политические, в целом отражавшие значительное социальное равенство» [12, с. 323].

Следующими, весьма важными, но уже с несколько иными задачами были народные совещания 1840-х годов, среди которых главными были так называемый «Дефтер» (от слова «договор») 1841 г. и Адагумское совещание 1847 г. (по другим данным 1848–1849 гг.), на которых наряду с проблемами отношения к России были поставлены вопросы внутреннего устройства, объявлено о создании народного собрания – хасе, вводилось ополчение, находившееся на содержании общества, население разбивалось на группы по сто дворов и т.д. В конце 1840–1850-е годы общественное устройство обретает характер конституированной этнической общности, состоявшей из самых значимых фамилий тфокотлей. Натухаевцы и шапсуты составляли одну половину общности, абадзехи – другую, каждая согласно сохраняемому правилу архаического дуализма состояла из восьми родов [33]. Учитывая, что в первой половине XIX в. шапсуты состояли из трех родов (Кобле, Схапте, Севотох), а натухаевцы из двух (Надхо, Хетахо), а со временем к первым присоединился род Гоаго, а ко вторым род – племя Гуайе, то ради существования стройной бинарной структуры пришлось пойти на переформирование объединений, в частности, в одну единицу объединялись Севотох и Гоаго, а Натхо, возможно, было превращено в Натхо-Нетдахо с перспективой быстрого разделения [34; 35]. Все это могло означать, что родовая структура уступает место национальной, но составляет базу ее формирования. Первую и более однородную ступень объединения составили натухаевцы и шапсуты, о которых известно, что и ранее они могли пользоваться общим названием, а современники их не всегда различали.

В общей структуре быстро складывавшегося этносоциального организма предполагалось, что в совет конфедерации войдут 16 тфокотльских старшин, по два от каждой ветви. Урки отстранялись от вершин власти. Сложение подобного коллективного руководства отражало две тенденции: становление политических институтов на базе общинной организации и этнического единства и развитие оборонительной реакции этноса в анти-русском движении. Все, что относилось к данной ветви политогенеза, имело место в период пика военного противостояния при наличии ряда военных успехов горцев в 1830–1840-х годов и в период Крымской войны. Между тем именно демократически-общинное начало общественной жизни абадзехов, натухаевцев и шапсугов было способно ослабить действие второго фактора политогенеза. В силу того, что каждое тфокотльское семейно-родственное объединение существовало благодаря двум видам деятельности: военной, что интенсифицировало столкновения с войсками и казачеством, и мирно-хозяйственной, что предполагало заинтересованность в обмене товаров, тенденции сопротивления сосуществовали с тенденциями сотрудничества с русскими. Поэтому решения народных собраний имели часто противоречивый характер.

Военно-политическая обстановка на Северо-Западном Кавказе не создавала более сильного стимула для политической активности у адыгов, чем вооруженная борьба с российской экспансией. В данном направлении можно говорить о таких линиях политогенеза, как стремление возглавить процесс этнополитической консолидации представителями дворянско-княжеских кругов и привлечение во власть людей иноэтничного происхождения (как, например, лидер имамата Магомед Эмина). Таким образом реализовывались тенденции единоначалия, в объединительных процессах более действенные, чем демократизм народных собраний. Но одновременно фактор жесткости во внутривнутриполитической деятельности существенно усиливался.

В политической активности элиты, в том числе адыгского традиционного социора, личностные характеристики более заметны. Низовой уровень политической активности, создающей предпосылки внутрисоциального доминирования, демонстрирует фигура «льва Черкессии» – Кизилбеча Шеретлука. Как писал о нем Хан-Гирей, «не почитавшись никогда ни умным, ни общественным человеком, он пользовался удивительным влиянием на шапсугов, когда надобно было действовать вооруженной рукой... Несколько удачных набегов..., несчастные случаи с другими предводителями утвердили суеверный шапсугский народ в том, что без Кизилбеча никакое военное предприятие не может кончиться счастливо... Огромный рост, громкий голос, дерзкие и грубые ухватки, все в нем соответствовало бурной, беспечной, удалой жизни. ... Он был поклонник старинной шапсугской жизни, грубой, но раздольной». Когда дворяне упрекали Кизилбеча в том, что он берет с собой в набег тфокотлей, он отвечал, что делает это для истребления непокорных общинников, ради мести за изгнание дворян [32]. Характеризуя политическую активность «льва Черкессии», можно употребить определение террор, как цель и

средство, террор, направленный вовне и во внутрь, но террор, освященный обычаями и создающий предпосылки для консолидации общества.

Следующий уровень представляет фигура Бесльный Абата, из самого сильного дворянского рода Шапсугии – Абаатов, находившихся в соприкосновении (неродственном единстве) с самым мощным фокотльским кланом Шапсугии – Кобле. По свидетельству того же Хан-Гирея, Бесльный Абат имел «беспокойный, ненасытный, честолюбивый характер, ум, сжатый местными обстоятельствами, но обширный в намерениях». Он «получил непреодолимую страсть к общественным делам, относящимся даже к целому краю». «Этот человек может на все решиться». «Он не забывал утраченной власти своего сословия, с ненавистью взирал на своевольства народа». Ему были свойственны «коварная мстительность и успехи в интригах», «щедрость, гостеприимство, учтивость, постоянная любовь к славе» [32, с. 208–209, 219–220, 242]. Политическая активность Б. Абата – насильственное подчинение, консолидация мечом, установление военно-феодальной диктатуры. Вдохновленный приемами управления, принятыми в Турции и Египте, Б. Абат имел что-то вроде проекта реформ, предусматривавшего превращение народного собрания в постоянный орган власти, но предполагал при этом главенство дворянского сословия [36]. Благодаря личной активности и происхождению он становится фигурой национального масштаба. Однако его успехи парализуются возрастающим ответным сопротивлением общинников и оскорбленных им дворян; в масштабах этноса прямое насилие не срабатывает, статус его родственной группы не дает достаточного харизматического положения.

С противоположной точки зрения можно охарактеризовать фигуру, занимавшую одну из первых строк в таблице о рангах противников России на Северо-Западном Кавказе, князя Сефер-бея Занн (Занок) . Его роль в истории состояла в том, что большую часть своей политической жизни он провел в Турции, представляясь верховным правителем Черкессии, а находясь на Кавказе или обращаясь в своих посланиях из-за рубежа к воюющим горцам, демонстрировал или декларировал поддержку со стороны Турции своих акций. Часть жизни в ее начале Сефер-бей провел на российской службе. В российских источниках его называли иногда натухаевским или шапсугским дворянином, но признавали принадлежащим к княжескому сословию (пши) [37]. Сефер-бею принадлежал княжеский домен в виде общности хегаков, проживавших под Анапой, и пришедший в упадок в начале XIX в. Вполне вероятно, что родовое имя князя отражено в названии другой адыгской общности черноморской зоны, также с княжеским правлением и также одновременно резко уменьшившейся по численности – жанеевцев. Родовое имя Занн имеет аналогию в средневековых сведениях об области Сан в Черноморье [38]. Если согласиться с тем, что именем Занн (Жан, Сан) в XVII–XVIII вв. маркировалась общность, позднее ставшая называться Ахгутчипсе (шапсуги вместе с натухаевцами) [39], то понятно, что неоднократно в разных источниках упоминаемый авторитет князя у этноса, не имевшего княжеского сословия в эпоху Кав-

казской войны и ограничившего значение дворян, являлся авторитетом по традиции. Реальной власти Сефер-бей над тфокотлями шапсугов и натухаевцев не имел по слабости своего домена (а возможно, еще потому, что в позднем средневековье в феодальной лестнице между князьями Занн и тфокотлями Черноморья произошло выпадение одного или нескольких звеньев), но обладал той харизмой старой аристократии, которой не хватало военным вождам типа Б. Абата. Интересен характер политической активности, избранный Сефер-Беем, — обращение к народному собранию (т.е. к верхушке тфокотлей) с сообщением о своем скором прибытии с военной помощью и обещанием разрешения сложных вопросов и споров. Естественно, что авторитет князя упал в годы Крымской войны, когда его появление вместе с турецким корпусом не смогло повлиять на ход военных действий на Кавказе. Образ политической активности Сефер-бея может служить примером эволюции харизматического лидера при реальном несоответствии его роли сложившейся ситуации в лидера харизматически-виртуального.

Князья Занн считались одними из старейших во всей Черкессии, что повышало их авторитет. При том, что их вертикальные связи в социуме были существенно ослаблены, Занко до самых последних времен оставались значимыми фигурами во внешнеполитических отношениях Причерноморья. Отец Сефер-бея, Магомет-Гирей, судя по имени, был звеном в связях крымской и адыгской элит. При нем на его земле была построена Анапская крепость, где разместился турецкий гарнизон. Примечательно, что последнее событие привело к вражде князей Занн с сильной дворянской группировкой Супако (Вапако), одним из двух объединений дворян у натухаевцев.

К району Анапы Сефер-бей был очень привязан, он находится в Анапе не только каждый раз, когда крепостью владели турки, но и при русском присутствии. Именно в это время в период 1807–1812 гг. произошел важный эпизод в жизни Сефер-бея, когда из-за незначительного инцидента с русским офицером, в доме которого жило семейство князя, было оскорблено его сословное чувство. С этого дня Сефер-бей, получивший русское военное и гражданское образование, становится врагом России до самой смерти [40].

Политическое поведение Сефер-бея многим казалось нерешительным, его современник Т. Лапиньский, польский инсургент в Черкессии, жестко и последовательно сражавшийся против России на Кавказе, даже считал его лживым, полагая, что князь Занн не обладает той властью, которая соответствовала бы заявленному им титулу правителя [24]. Думается, что он ошибался, не понимая различия между статусом князя и его возможностями осуществлять управление горцами Черноморья.

Признание авторитета Сефер-бея ограничивалось землями натухаевцев и шапсугов. Абадзехи подчинились другому лидеру имаму Магомет-Амину, выходцу из Дагестана. Принципы устройства данного государственного образования, базировавшиеся на нормах шариата, были близ-

ки основам имамата Шамиля. Сходство усиливает тот факт, что Магомет-Амин, как и Шамиль, достиг максимальной власти, сменив двух своих предшественников. Соперничество Сефер-бея и Магомет-Эмина продолжалось фактически до конца сопротивления русским войскам [16; 40; 41; 42]. Фактически фигуры верховных лидеров представляли различные политические образования, не взирая на существование конфедерации, созданной тфокотльскими родами. Отметим, что русские историки Кавказской войны признавали, что оба правителя пользовались не столько властью, сколько «влиянием нравственным, преимущественно потому, что в них олицетворялась общая вражда народа против нас» (русских войск. — В.Д.) [40].

Кавказская война закончилась для шапсугов особо трагично. В результате гибели в боях, смертей от голода и болезней, массового выселения в Турцию Черноморское побережье фактически опустело. Небольшое количество черноморских шапсугов было переселено на Кубань, еще меньшая часть коренного населения сумела скрыться в родных горах.

В 1869–1870-х годах происходит процесс возвращения шапсугов в Причерноморские аулы. С этого времени начинается современная история шапсугского субэтноса — малой этнической группы Северо-Западного Кавказа. Ее начальный период — существование шапсугов в деполитизированном состоянии в Российской империи до ее гибели. Фактически этот период следует считать особым этапом политической активности, который сводится к такой форме самоопределения этноса как физическое выживание. С предыдущим этапом шапсугской истории он связан антитезой вооруженное сопротивление — покорность.

Прежде всего отметим, что по результатам Кавказской войны XIX в. этническая общность черноморских шапсугов опустилась на атомарный для этноса уровень — уровень существования в виде отдельных семей. По данным Н. Волковой, в 1869 г. на родных землях обосновались 109 семей, в 1870 — 41 семья, разместившись следующим образом: в Лесном — 59 семей, Божьей Воде — 40, Александровском — 8 и в станицах Шапсугского казачьего батальона — 43 семьи [43]. 107 семей шапсугов, принадлежавших к территории Сочинского округа Черноморской губернии, составили в общей сложности 576 чел. [44]. Несколько позже, по данным государственной статистики репатриантов было в 1872 г. — 773 чел., в 1891 — 1727 чел., в 1897 г. — 1938 чел. [11]. Если признать данные цифры, то очевидно, что возвращение на родину началось с выхода к местам поселения коллективов, представлявших семейные пары с детьми, но чуть позже размер семьи несколько увеличивался. Одновременно шел процесс переселения новых семей, которые группировались по родственному принципу, о чем свидетельствуют полевые материалы и данные в публикациях. Так, в Агуе (Карповка) образовалось 8 родовых кварталов, в Б. Кичмае основу селения составили три фамилии, в Б. Псеушко — 4, в Наджиго — 6 и т.д. С главами этих объединений предпочитали иметь дело и русские военные чиновники, полностью контролировавшие общественную жизнь среди шапсугов. Все селения черноморских шапсугов в 1860–1880-х го-

дах возникли не там, где находились старые селища, а ближе к руслу рек, там, где были размещены российские военные поселения (например, с. Александровское при 1 взводе 1 роты 1 Кавказского линейного батальона, Б. Кичмай при 2 роте 2 линейного батальона и т.д.) [45].

Таким образом, единственным возможным направлением общественного развития черноморских шапсугов было развитие структуры патронимии, ориентированной на вторичное освоение видоизмененной среды обитания и протекавшей при прямой жесткой регламентации повседневного поведения. Мнение адыгского просветителя Сефербия Сижхова о политической активности адыгов под имперским контролем может быть распространено и на шапсугов: «Чувство политического и национального самосознания так было подавлено..., что создавалось впечатление о полной потере этого чувства», «Прежние идеалы черкесов... стали уступать место... желанию прислуживаться» [46, с. 165, 167]. Подобное поведение неизбежно, когда задача физического выживания составляет суть любой общественной активности, вместе с тем в конце XIX в. политическая организация шапсугов обрела более архаический характер, чем в предшествовавшие времена.

Политическая активность шапсугов периода существования Шапсугского национального района

Источниками для характеристики существования Шапсугского национального района являются опубликованные документы [47; 48; 49] и справка, предложенная в качестве интернет-версии [50].

Шапсугский национальный район (ШНР) был провозглашен по завершении работы IV съезда шапсугов Причерноморья, проходившем 26–29 августа 1924 г. в г. Туапсе. Протокол съезда был утвержден всеми инстанциями, вплоть до президиума ВЦИК. Согласно постановлению Черкраскрайисполкома в состав Шапсугского района вошли 8 шапсугских селений (хотя были включены 10): Карповка (Агуй-Шапсуг), Псыбе, Большое и Малое Псеушко, 2-й и 3-й Красноалександровский аул (ныне Калез и Лыготх соответственно), Наджиги и Кичмай. Руководящим органом района был утвержден ревком в составе: четырех шапсугов Айдамир Боус (председатель), Мус Аллало, Юсуф Кадиев, Погосх Коблев, и одного русского, Гуляева, в 1925 г. председателя Туапсинского РИК). Центром Шапсугского района являлся г. Туапсе, территориально в него не входящий.

Дополнительными решениями крайисполкома из земельного фонда аулам района были переданы урочища, использование которых было основой местного землепользования, но территории сельсоветов по большей части не стыковались. В 1930 г. центр района переносится во 2-й Красноалександровский аул, в 1931 г. в Совет-Квадже, в 1934 г. в переданный району поселок Лазаревский с его преимущественно русскоязычным населением. В 1940 г. территории двух сельсоветов передаются Туапсинскому району, в 1941 г. в Шапсугский национальный район передаются ряд территорий с русскоязычным населением. 24 мая 1945 г. район Указом Президиума Верховного Совета РСФСР ликвидируется и переименовывается в Лазаревский.

Предложенная в виде краткого эскиза история Шапсугского национального района является примером государственного строительства, проводимого в национальных регионах путем решений, спускаемых «сверху». Предыстория образования Шапсугского национального района обнаруживает тот же подход: решениями Кубано-Черноморского Ревкома и Областного Комитета РКП(б) (1920–1921 гг.) формируется политическая линия на выделение горцев Кубани и Черноморья (т.е. всех западных адыгов) в автономию и создание ее институтов. Это привлекает симпатии политически активной части шапсугов в северных пробольшевицки настроенных аулах (как Карповка-Агуй) и несколько успокаивает население в южных, подвергшихся красному террору в 1918 г. за то, что не посмели отказать в помощи войскам, выступавшим под знаменами старой России. Примечательно, что выделение ядра ШНР, Красноалександровской волости, в составе Черкесской автономии было инициативой Туапсинских советских руководителей. Итогом же этого процесса явилось санкционированное Народным Комиссариатом по национальным делам (26.01.1922) и ВЦИК (27.07.1922) решение о создании Черкесской национальной области только для кубанских адыгов. В промежутке между этими решениями Кубано-Черноморский ревком проводит решение, одобряющее нежелание жителей Красноалександровской волости войти в Черкесскую республику (17.03.1922), позднее приветствует 3-й съезд шапсугов. На этом съезде проводятся постановления, предполагающие создание Шапсугской договорной республики с правами владения недрами, портами; военной, экономической, финансовой, законодательной независимостью. В ситуации 1922 г. рассуждения о Шапсугской республике в противоположность решению о создании Черкесской области могли только способствовать тому, что политически активная часть шапсугского народа, его советская верхушка, сработала против образования объединенной автономии горцев Кубани и Черноморья. Она же и поддержала статусное снижение значения Шапсугской республики до Национального района в период от 3-го до 4-го съездов шапсугского народа. Как руководство этих съездов, так и ревком ШНР составили выходцы из аула Карповка-Агуй: Мусса Алало, Юсуф Нагуч, Джамбулат Нагуч, Абдул Хлечас, Али Нагуч. Они составили в шапсугском обществе линию так называемых «красных партизан», известной на Северном Кавказе общественной группы, образовавшейся из представителей коренных народов, активно сотрудничавших с большевистским движением и Красной Армией в годы гражданской войны, а позднее составивших первую волну советских руководителей в национальных местностях. Верхушка «красных партизан» была членами РКП(б) и должна была жестко подчиняться партийным решениям и постановлениям.

В числе приемов «партийного руководства» были методы насильственного устранения политических фигур, одномоментно оказывавшихся в стороне от линии партии. Так, изменение установок на шапсугскую автономию в период от 3-го до 4-го съездов шапсугов было откорректировано арестом таких значимых, но все-таки не первого эшелона фигур,

как Юсуф Нагуч (секретарь 3-го съезда) и его брат Али. Они были обвинены в шпионаже в пользу Турции и высланы в Сибирь.

Процесс образования ШНР выявил и другую линию политической активности, помимо деятельности советской верхушки общества. Ее можно назвать «стихийной самоорганизацией сельских обществ, выдвигавших собственных лидеров местного масштаба». Так, в период формирования ШНР жители аулов Хаджико-1 (Красноалександровский) и Тхагапш (Божьи Воды), фактически центр Красноалександровской волости, отказались входить в ШНР, как ранее отказывались входить в Черкесскую автономию. Этот акт, противоречащий тенденции национального самоопределения (создание собственной автономии), объективно был закономерен. Сложившееся (восстановленное после Кавказской войны) общинное сознание выдвигало своих глашатаев, поверивших в право высказывать свое кредо, чтобы они заявили о нежелании иметь дело с образованиями верхушечного происхождения и маргинальными фигурами из среды «красных партизан». Для формирующегося тоталитарного государства, борющегося с любыми проявлениями социально-предшествовавших форм быта, такие настроения представлялись враждебными. Реакция была незамедлительной, аульские авторитеты были репрессированы. Среди них явные представители патронимий Чизах Тох, Баулет Литхуш, Ибрагим Хейшо (председатель сельсовета), Брам Сизо, Хаджи Гербо. Объединяло их и то, что они были зажиточными людьми, более культурно развитыми, общественными лидерами, что было отмечено свидетелями [47]. Примечательно, что члены комиссии, занимавшейся действиями «автономистов», отметили наличие «родовой вражды» между председателем ревкома Айдамиром Богусом и жителями Красноалександровского и их представителем Чизах Тохом, что само по себе отражает силу общинного единства [47]. Под угрозой дальнейших репрессий аулы через своих представителей были вынуждены признать власть Шапсугского ревкома.

Документы показывают, что данная линия сохранилась и в дальнейшем. Конспективный доклад по обследованию Шапсугского ревкома и входящих в него сельсоветов указал на полное отсутствие авторитета в аулах представителей ревкома, их чужеродность, ориентированность на личную выгоду (что отчасти связано с предыдущими пунктами) при том, что реальная власть в селениях принадлежит аульным советам.

Давая оценку в целом политической активности шапсугов времени существования ШНР, следует сказать, что его становление протекало в обстановке противоречивой политики властей, колебавшихся между созданием классовой общности трудящихся масс разных национальностей и построением апробированной в централизованном государстве властной вертикали, снижающей политическую активность национальных образований. Одновременно шапсугское общество выдвинуло на политическую арену две группы элиты: маргинальную, образованную взрывом революции 1917 г. и являющуюся проводником государственного влияния, и традиционную, в виде глав патронимий. То, что последняя, после шока, вызванного Кавказской войной, осмелилась занять отдель-

ную от предложенной властями позицию (хотя и отчасти изоляционистскую по сути), является результатом тех же революционных событий.

Неоспоримо значение ШНР как образования, установившего форму объединения территорий, населенных черноморскими шапсугами; кроме того это было политическое признание шапсугов этносом, равным другим народам России и правопреемником территориально-политической общности адыгов, вытесненной с Черноморского побережья в ходе Кавказской войны.

Примечательно, что достаточно быстро сформировался круг людей, из числа которых вышли руководители ШНР, не относящихся к «красным партизанам» и сформировавшихся уже в советские годы. Их биографии типичны для выдвиненцев в руководители первых десятилетий советской власти. *Дауд Хунов* родился в 1903 г., в 1924–1929 гг. учился в Коммунистическом университете народов Востока, в 1930–1934 гг. был Председателем Шапсугского РИК, позднее находился на советской и партийной работе в Кабардино-Балкарии. *Хаджибрам Хейшхо* в 1925–1927 гг. учился в совпартшколе в Новороссийске, в 1937–1939 гг. был 1 секретарем Шапсугского РК ВКП(б). *Махмуд Хунов*, 1904 г.р., учился в 1925–1926 в совпартшколе в Новороссийске, в 1927–1929 и 1935–1936 гг. – секретарь Шапсугского РК ВЛКСМ, в годы Великой Отечественной войны – политрук полка. *Махмуд Нагучев*, 1912 г. р., учился в Горском кооперативном техникуме, затем был на хозяйственной работе, в 1936–1938 гг. был Председателем Шапсугского РИК. Завершение биографии таких работников было типично для всего данного общественного слоя. Так, М. Нагучев и Х. Хейшхо в конце 1930 г. были репрессированы, Хейшхо был осужден на 25 лет заключения, 5 лет провел в одиночной камере [51].

Существование ШНР сыграло свою роль в экономическом развитии черноморского побережья, несмотря на то что современные ему документы ясно показывают отставание результатов проделанной работы от запросов населения. Более важно, что были заложены основы инфраструктуры шапсугского этноса: стали строиться дороги, национальные школы, было налажено радиовещание на адыгейском и других языках, ежегодно проводились национальные праздники, выходила районная газета «Шапсугский большевик». Политическое развитие явно опережало экономическое, агломерат общин обретал структуру этноса, относительно равноправного с другими народами страны. Ликвидация ШНР способствовала формированию на базе воспоминаний о нем сильного ментального компонента, консолидирующего современное национальное сознание шапсугов и содержащего исключительно положительную оценку.

Ликвидация ШНР рассматривается этносом как прекращение процесса национального возрождения шапсугов. Период, наступивший после 1945 г. и продолжавшийся до конца 1980-х гг., объективно можно рассматривать как отрезок истории, когда все население Черноморья было преобразовано в агломерат различных этнических групп равного статуса, дисперсно расположенных национальных поселков. Этнический фактор мог реализоваться во внутренних социальных связях, в

развитии земляческого единства, но не как активизатор политической активности. Политическая активность за исключением ее узких форм, санкционированных свыше, была заблокирована репрессиями сталинского периода. На Черноморье репрессиям были подвергнуты все этнические группы, имелся и особый геополитический акцент, отмеченный депортацией тех групп, которые имели метрополии или обширные диаспоры в ближних странах. Адыги также входили в их число. Кавказские историки оценивают уровень репрессий среди шапсугов в 60% [52]. Аул Тхагапш (Божьи Воды), где недавно был возведен уникальный в России памятник жертвам репрессий и депортаций, был затронут особо, что, очевидно, не случайно, если вспомнить, что его население выселялось дополнительно и в царское время, уже после окончания Кавказской войны. По нашим данным, репрессии особо затронули людей, являвшихся носителями различного рода традиций, кузнецов, народных целителей, знатоков примет, навыков земледелия и пр. Формируемый репрессивными методами разрыв с прошлым являлся предпосылкой многих явлений советского периода, в том числе и высвобождения поля для формирования принципов урбанистического образа жизни.

Урбанизм как фактор становления современной культуры в Черноморье, являвшемся явно передовой экономической зоной в бывшем СССР, оказал большое влияние и на всю этническую культуру шапсугов. Ее можно рассматривать как индустриально-городскую с сохранением традиционных элементов в сфере семейно-родственных связей и этикета повседневного и ритуально-праздничного общения [53]. О высокой степени урбанизации, достигшей постиндустриальной стадии, можно судить по рейтингу профессий и их распространению у шапсугов. По данным недавно вышедшей книги «Золотые россыпи Шапсугии», подготовленной по принципу Who is who в Шапсугии, на первом месте стоят профессии гуманитарного профиля, перечислена обширная группа людей, относящихся к творцам общероссийской культуры в широком понимании этого понятия [51]. Шапсуги с достаточно высоким потенциалом социальной мобильности интегрировались в двухуровневую общность, черноморскую и общесоветскую, если трактовать значение последней без излишней идеологической нагрузки. Собственная политическая активность в 1945–1980-х годах в плане национального самоопределения была практически нулевой, блокируемой на региональном уровне.

Политическая активность шапсугов современного периода (1980–1990-е годы)

Конец 1980-х–1990-е годы отмечены общей для всей страны тенденцией: упадком общественного производства (для черноморской Шапсугии фактически закрылся рынок традиционной продукции: чая, фруктов, орехов, и пришли в упадок отрасли курортной экономики), резким падением уровня жизни, социальной нестабильностью и всплеском общественной активности.

Активизация общественной жизни и развитие политической активности в черноморской Шапсугии протекали по тому же руслу, что и во

многих других регионах советского и постсоветского пространства и примерно в те же сроки. 1985–1988 гг., самое начало перестроечного периода, явились временем латентного развития национального самосознания, когда люди осознали, что подавленные импульсы неудовлетворенности положением в обществе и давние обиды можно перевести на явный уровень. В сознании народов Северного Кавказа все более активизируются воспоминания о Кавказской войне. Следующим этапом был 1988 г., отмеченный на всей территории б. СССР этническими конфликтами. Протестные настроения обретают явную форму, выражаются в действиях. Такой прорыв не происходит сам по себе, ему нужен внешний вызов. Как правило, это был открытый конфликт между общественным движением и местной властью, которая в меняющихся условиях принимала ошибочные или просто провокационные решения. В Причерноморье подобным решением была организация празднования 150-летия основания городов Сочи и Туапсе. Формально эти действия ничем не отличались от множества подобных мероприятий, проводившихся для развлечения отдыхающих на курортах побережья. Однако в атмосфере конца 1980-х назойливое мелькание эмблемы «150» стало сильнейшим раздражителем для потомков тех, кто погибал под ядрами, выпущенными с русских кораблей по тем селениям, где позднее поднялись упомянутые города. Национальное самосознание шапсугов резко активизировалось, наиболее массовой реакцией была демонстрация массового чувства обиды с всплеском отчуждения, по законам массовой психологии росла внутренняя духовная консолидация. Активная составляющая конфликта не была значительной. Конечно, шапсугская молодежь пыталась уничтожить символику празднования 150-летия. Важно, что главным типом открытого уличного действия стало патрулирование мест, где красовалась эмблема «150» с тем, чтобы разъяснить связь символа с событиями Кавказской войны, т.е. вместо тактики межэтнического конфликта задействовалась стратегия этнокультурной пропаганды. На ментальном уровне межгрупповой конфликт достиг быстро высокого градуса остроты, однако в нем практически отсутствовала линия межэтнического противостояния, не задействовались отрицательные гетеростереотипы. В отличие от многих всплесков конфликтности с национальным колоритом на территории бывшего СССР в данном случае отсутствовал сильнейший механизм межэтнического конфликта – сконструированный образ врага. Между тем никакого нарушения законов межгрупповой конфликтности не произошло: образ объекта противодействия был сформирован, но в его позиции был помещен не соседний этнос (как в межэтническом конфликте), ни господствующий этнос (как в антиколониальном конфликте), ни властная структура (как в политическом конфликте). Враг был сформирован как виртуальный объект, которому было дано соответствующее имя – «историческая несправедливость». Соответственно гиперболизировались собственные качества, имевшие ядром свойство «исключительности» (древний, аборигенный и т.п.). Типологически такой конфликт близок конфликту идеологических доктрин [54]. Понятно, что если декларируемый объект противостояния

не имеет материального вида, то его реальный прототип признан настолько сильным, что в массовом сознании решено, что лучше его не раздражать.

Важно, что на этапе латентного развития национального самосознания шапсугский социум Причерноморья выказал потребность в формировании образа выдающейся личности, сильной отнюдь не политическими действиями, а достижениями принципиально гуманитарного свойства. В качестве такой личности можно назвать Мадина Тешева, ставшего «первым шапсугским археологом», исследователя одного из самых значительных мегалитических комплексов Северо-Западного Кавказа, памятника Псынако, находящегося на территории Шапсугии. Его одержимость древней историей края, личный аскетизм, борьба за сохранение археологических объектов с местными горе-хозяйственниками, его преждевременная кончина фактически на рабочем посту, все делало М. Тешева представителем лучших качеств шапсугского этноса [55].

Дальнейшее развитие событий в Черноморской Шапсугии шло, с одной стороны, по логике развития движения за национальное самоопределение в исторических условиях северокавказского региона постсоветского периода, с другой стороны, в соответствии с выявившимися уже в начале движения особенностями национального самосознания шапсугов.

К началу 1990-х годов конфликт идеологий перерос в конфликт институтов. Первым образовалось 29 апреля 1989 г. общество Адыге Хасэ Шапсугии, общественный Парламент. Данная организация была призвана возродить традиции общественного самоуправления, руководствуясь нормативами общественного быта дороссийского периода. Принципами Хасэ XIX в. были представленность каждого населенного пункта, выдвижение в общественный совет лиц, авторитетных по возрасту и своему общественному положению, но, что является принципиально важным для современного варианта Хасэ, – совещательность обсуждения вопросов и добровольность принятия решения общественного парламента рядовыми членами общества [56]. Такая система организации, если ее действительно соблюдать, эффективна только при наличии общественного авторитета и не дает возможности для сложения на ее основе политической элиты общества. Тип личности, характерный для сложения Адыгэ Хасэ Шапсугии, может быть продемонстрирован на примере члена Президиума Хасэ 1989 г. Халида Тлифа (уважаемый человек по возрасту – 63 года на момент избрания и по биографии – участник Великой Отечественной войны, преподаватель русского языка, литературы и истории, собиратель шапсугских народных легенд, писатель) или председателя Президиума Хасэ, избранного на 3-м съезде шапсугского народа Мурдина Тешева (возраст 61 год, был главным инженером ряда учреждений, широко известен как исполнитель на традиционных музыкальных инструментах).

Следующей организацией, политический характер которой ярко выражен, является Съезд причерноморских адыгов. 1-й съезд состоялся 1 декабря 1990 г., его основным решением было провозглашение требования о создании Шапсугского национального района как субъекта Российской

Федерации, данное решение было подтверждено 2-м и 3-м съездами 1991–1992 гг. 2-й съезд объявил о вхождении в Конфедерацию горских народов Кавказа и преобразовании себя в постоянно действующий Конгресс шапсугского народа. Исполком Конгресса возглавил Руслан Гвашев, на тот момент являющийся сотрудником Сочинского историко-краеведческого музея. Его фигура олицетворяла период наибольшей политической остроты в Черноморской Шапсугии. В 1990–1992 гг. происходило многое: митинговая активность, пикетирование общественных зданий в Лазаревском, были Конгрессом внесены предложения о создании отрядов самообороны, в Шапсугии побывали эмиссары из мятежной Чечни, добровольцы из Шапсугии воевали в Абхазии во время абхазо-грузинского конфликта. Ситуация в Шапсугии была частью острого политического положения на Северном Кавказе, и также как в других районах отчетливо встала дилемма: идти ли дальше по пути отстаивания своих требований и тем самым усилить сепаратистское движение в регионе или умерить свою политическую активность. В движении за самоопределение шапсугов в виде воссоздания национального района их союзниками являлись как родственные, но территориально отделенные адыги Кубани, столь же рано вставшие перед подобным выбором, так и общественные группы Северного Кавказа, готовые развивать антироссийское движение. С другой стороны, среди территориально близкого населения Краснодарского края идея восстановления ШНР не вызвала поддержки, ее поддерживали в 1993 г. 7% опрошенных, а 56% высказались против [57, с. 34–36]. Центральная власть в вопросе о воссоздании ШНР избрала тактику, антигуманная эффективность которой была отработана во многих социальных спорах: тактику ухода от решения проблемы с целью пролонгации кризиса на высокой, но не достигающей максимума точке возбуждения. Можно полагать, что в рамках Советского Союза требование о воссоздании ШНР могло иметь решение, но руководство РФ явно признало положение в Шапсугии недостаточно важным и предоставило шапсугам право «устать» от безрезультатной политической активности. Во второй половине 1990-х годов итогом развития самоопределения черноморских шапсугов стала победа политической линии Адыгэ Хасэ, осудившей митинговую активность, направленной на совершенствование внутренней структуры шапсугского этноса, взаимодействие с местными и региональными органами власти, развитие культурных связей с адыгским миром и пропаганду адыгских норм социального поведения*.

В данном плане следует особо подчеркнуть существование газеты «Шапсугия», отметившей в мае 2001 г. десятилетие своей деятельности. На наш взгляд, именно ее существование является реальным политическим действием. Материалы, предлагаемые газетой, можно, в основном, разделить на две группы: сведения по национальной истории и национальным обычаям, имеющие внутриэтнический просветительский харак-

* Из результатов бесед с председателем Адыгэ Хасэ Шапсугии Маджидом Чачух в 1998, 2001 гг.

тер, и пропагандистский, весьма стереотипизированный набор устойчиво повторяемых блоков, рассчитанный на читателей других национальностей. В наборе блоков центральное место занимают указания на древность и аборигенность шапсугской культуры, трагизм Кавказской войны, разрушившей это древнее наследие, общечеловеческое значение восстановления ШНР [58]. Достаточно большой блок материалов отдан под публикацию топонимических данных, что воссоздает модель древней территории шапсугов, естественно, более широкой по сравнению с современной, но и виртуальной в этом же сравнении. Душой газеты «Шапсугия» является Асламбий Хушт (1929 г. р., в 1951–1961 и 1962–1968 гг. работник школьной администрации, в 1962–1965 – зав. отд. пропаганды и агитации Лазаревского РК КПСС, в 1969–1972 – отв. секретарь районного общества «Знание», в 1974–1991 гг. – директор детского санатория, с 1993 г. – главный редактор газеты «Шапсугия»).

Если говорить об общих принципах политической активности шапсугов в доступном для рассмотрения историческом отрезке времени, то можно сделать несколько выводов. Вся активная политическая деятельность была обусловлена взаимодействием шапсугского этноса с российским обществом и протекала в следующих формах.

1. Военное сопротивление в годы Кавказской войны (конец XVIII в. – 1864 г.) и предшествующее время.
2. Покорность – 1864–1920-е годы.
3. Самоопределение в рамках индуцированной в послереволюционный период политической активности в годы существования Шапсугского Национального района – 1924–1945.
4. Интеграция шапсугов в советский суперэтнос – 1920–1980-е годы.
5. Поиск путей национального самоопределения в позднесоветский и постсоветский периоды – 1980–1990-е годы.

Все это время политическая активность шапсугов протекала по двум линиям. Первая – в рамках общественной группы, ориентированной на взаимодействие с российским государственным механизмом в различных его проявлениях: борьба (1 период) – подчинение (2 период) – посредничество (1–3 периоды) – поиск партнерства (3–5 периоды). Вторая представляла собой деятельность по формированию внутренней структуры этноса сообразно особенностям времени. Часть политической активности шапсугского этноса переводилась из практической области в виртуальную.

Литература

1. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М., 1993.
2. Беджанов М.Б. Проблемы национальных отношений на Северном Кавказе и пути их решения. Майкоп, 1997.
3. Лихачев Д.С. Повесть временных лет: Историко-литературный очерк // Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 1, 2. М.; Л., 1950.
4. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1982.

5. Гадло А.В. Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988.
6. Машбаш И. Из тьмы веков. Майкоп, 1997.
7. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа: XX–XIII вв. СПб., 1994.
8. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
9. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.
10. Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XI вв. Нальчик, 1974.
11. Половинкина Т.В. Черкессия – боль моя. Майкоп, 1999.
12. Люлье Л.Я. О натухайцах, шапсугах и абадзехах // Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991.
13. Раенко-Туранский Я.Н. Адыге до и после Октября. Ростов-на-Дону, 1927.
14. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.
15. Бижев А.Х. Адыги Северо-западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX века. Майкоп, 1999.
16. Блиев М.М., Дегоев М.М. Кавказская война. М., 1994.
17. Блиев М.М. Кавказская война: Социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2.
18. Султан Хан-Гирей. Черкесские предания // Шаги к рассвету: Адыгские писатели-просветители. Краснодар, 1986.
19. Эвлия Челеби. Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря // Записки Одесского общества любителей истории и древностей. Т. 9. Одесса, 1875.
20. Лавров Л.И. Обезы русских летописей // Советская этнография. 1976.
21. Лавров Л.И. Абазины // Кавказский этнографический сборник. Т. 1. М., 1975.
22. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI–30-е гг. XVII в.). М., 1963.
23. Алексеева В.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971.
24. Лапинский Т. (Теффик-бей) Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
25. Гарданов В.К. Замечательная книга о Кавказе: Предисловие // Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
26. Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа: История оружия. М., 1995.
27. Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие: (Оружие кавказских горцев). Ставрополь, 1916.
28. Главани К. Описание Черкессии // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.
29. Покровский М.В. Адыгейские племена в конце XVIII – первой половине XIX века // Кавказский этнографический сборник. Вып. 2. М., 1958.
30. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. № 11.
31. Бгажноков В.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
32. Хан-Гирей. Беспльный Абат // Избранные произведения. Нальчик, 1974.
33. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII–первая половина XIX в.). М., 1967.
34. Хан-Гирей. Записки о Черкессии. Нальчик, 1978.

35. Новицкий Г.В. Географо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлисские ведомости. 1829. № 22.
36. Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. 1860. № 18.
37. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сб. документов / Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1958.
38. Лавров Л.И. К истории бжедугов и жанеевцев // Учен. зап. адыгейского НИИ. 1965. Т. IV.
39. Асанов Ю.Н. Родственные объединения адыгов, балкарцев, карачаевцев и осетин в прошлом. Нальчик, 1990.
40. Фелицин Е.Д. Князь Сефер-бей Занъ: Политический деятель и поборник независимости черкесского народа // Кубанский сборник. Т. X. Екатеринодар, 1904.
41. Карлгоф Н. Магомет Амин // Кавказский календарь на 1861. Тифлис, 1860.
42. Соколов Д. Хаджи Магомет: Сподвижник Шамиля: Историческая справка // Кубанский сборник. Т. XI. Екатеринодар, 1904.
43. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974.
44. Верещагин А.В. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874.
45. Тверетинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX–начале XX в. Сочи, 2000.
46. Сихов Сефербий – адыгский просветитель. Майкоп, 1991.
47. Сивер А. Шапсуги и проблема восстановления Шапсугского национального района (историческая справка, публикация документов) // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. 1999. № 1. Дек.
48. Ржавин А.А. Национально-государственные образования в Краснодарском крае в 20–50-е гг.: Автореф. канд. дис. М., 2000.
49. Ржавин А.А. Шапсугский национально-территориальный район: Из истории образования // Шапсугия. 2000. № 13 (199), 25 мая.
50. Половинкина Т.В. История создания Шапсугского Национального района // Интернет-версия Черкесская Родина.
51. Золотые россыпи Шапсугии / Сост. Э.Ю. Алало, Н.А. Боус. Майкоп, 2001.
52. Немного истории о шапсугах Причерноморья // Шапсугия. 1998. № 13 (144). 24 июня.
53. Дмитриев В.А. О самоопределении черноморских адыгов (шапсугов): Межнациональные отношения в условиях социальной нестабильности. СПб., 1994.
54. Паин Э.А. Типы и направления развития межэтнических конфликтов в СССР.
55. Пиотровский Ю.Ю. Пирамида жизни Мадина Тешева // Дольмены – современники древних цивилизаций. Краснодар, 2001.
56. Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.
57. Крицкий Е.В. Этнополитическая ситуация в Краснодарском крае // Философия и социология в Республике Адыгея. Майкоп, 1994.
58. Дмитриев В.А. Об изучении национального сознания черноморских шапсугов // Среднеазиатско-кавказские чтения 1999 г. СПб., 2000.